

Г. И. ЧЕЛПАНОВ: ПОРТРЕТ НА ФОНЕ ЭПОХИ

(к 140-летию со дня рождения)

Гладкова Ирина Витальевна — кандидат философских наук, преподаватель психологии и истории музыки Школы искусств г. Екатеринбург.

Докторскую диссертацию на тему «Проблема восприятия пространства. Представление пространства с точки зрения гносеологии» защищает в 1904 г. в Киевском университете. Вскоре занимает там кафедру философии, с июля 1904 г. числится в звании ординарного профессора. В Киеве у Челпанова учились П. Блонский, В. Зеньковский, Л. Шестов, Г. Шпет, А. Щербина и др. Публикации этого периода отражают интерес Челпанова к проблемам гносеологии: «Основные направления в современной теории познания», «Философия Канта», «Наивный реализм и гносеологический идеализм», «Трансцендентальный идеализм и реализм: имманентная школа». В 1905 г. выходят два учебных пособия — «Введение в философию» и «Учебник психологии». Челпанов был участником I Всероссийского съезда по педагогической психологии, где выступал против упрощенного подхода к психологическому эксперименту, против дилетантизма в психологии. Принимал участие в работе всех пяти психолого-педагогических съездов (до 1916 г.).

В 1907 г. избран профессором философии и психологии Московского университета, на этой должности состоял до 1923 г. В Московском университете у Челпанова в разные годы учились С. Булгаков, К. Корнилов, А. Лосев, С.Е. Трубецкой, Г. Шпет. Психологический семинарий Московского университета стал основой для организации Психологического института, который был построен по инициативе Челпанова при материальной поддержке московского мецената С.И. Щукина. Торжественное открытие Психологического института им. Л.Г. Щукиной при Императорском Московском

университете состоялось 23 марта 1914 года. В 1917 г. Челпанов основал журнал «Психологическое обозрение». В начале 20-х годов, в период «перестройки науки на основе марксизма», против Челпанова в печати выступили его ближайшие ученики — К. Корнилов и П. Блонский. В 1923 г. Челпанов был смещен с должности директора Психологического института и уволен из университета.

Результаты полемики с В. Бехтеревым и критика его рефлексологической теории нашли отражение в работах Челпанова «Объективная психология в России и Америке», «Психология или рефлексология?», «Социальная психология или условные рефлексы». Свою точку зрения по проблеме марксизма в психологии Челпанов изложил в работах «Психология и марксизм», «Спинозизм и материализм. (Итоги полемики о марксизме в психологии)».

Научная деятельность Челпанова продолжалась в Государственной Академии Художественных наук, куда ученого пригласил Г. Шпет. В Академии Челпанов был руководителем комиссии по изучению восприятия пространства и художественного творчества. В 1925-1929

Георгий Иванович Челпанов родился 16 апреля 1862 г. в г. Мариуполе Екатеринославской губернии. Среднее образование получил в Мариупольской Александровской гимназии, которую окончил с золотой медалью в 1883 г. В том же году поступил в Новороссийский университет на историко-филологический факультет к Н.Я. Гроту, который во многом определил научные интересы Челпанова и оказал значительное влияние на формирование его философских взглядов. В 1887 году Челпанов окончил университет и получил золотую медаль за сочинение на тему «Об отношении между опытом и мышлением в теории познания Платона и Аристотеля». Для приготовления к профессорскому званию был прикомандирован к Московскому университету. В 1890 г. выдерживает магистерский экзамен по философии и становится приват-доцентом Московского университета. Активно печатается в журналах «Мир Божий», «Вопросы философии и психологии». С 1892 года числится штатным приват-доцентом Киевского университета св. Владимира. В 1896 г. защитил диссертацию на тему «Проблема восприятия пространства в связи с учением об априорности и врожденности» (ч. 1) и был удостоен степени магистра философии. С 1897 года занимает должность экстраординарного профессора Киевского университета. В том же году организовал в университете «психологический семинарий», редактировал научные труды семинария, выпустил сборники лекций по логике и этике. Научные командировки в Германию (1893-1894 и 1897-1898 гг.) укрепили связи Челпанова с западноевропейской наукой. Он слушал лекции Дюбуа-Реймана, Геринга, Штумпфа, занимался экспериментальной психологией в Психологическом институте Вундта в Лейпциге и в Институте физиологической оптики в Берлине. В 1900 г. в свет выходит книга «Мозг и душа. Критика материализма и очерк современных учений о душе».

В 1890 г. выдерживает магистерский экзамен по философии и становится приват-доцентом Московского университета. Активно печатается в журналах «Мир Божий», «Вопросы философии и психологии». С 1892 года числится штатным приват-доцентом Киевского университета св. Владимира. В 1896 г. защитил диссертацию на тему «Проблема восприятия пространства в связи с учением об априорности и врожденности» (ч. 1) и был удостоен степени магистра философии. С 1897 года занимает должность экстраординарного профессора Киевского университета. В том же году организовал в университете «психологический семинарий», редактировал научные труды семинария, выпустил сборники лекций по логике и этике. Научные командировки в Германию (1893-1894 и 1897-1898 гг.) укрепили связи Челпанова с западноевропейской наукой. Он слушал лекции Дюбуа-Реймана, Геринга, Штумпфа, занимался экспериментальной психологией в Психологическом институте Вундта в Лейпциге и в Институте физиологической оптики в Берлине. В 1900 г. в свет выходит книга «Мозг и душа. Критика материализма и очерк современных учений о душе».

гг. выступал в Московском доме ученых с лекциями. В начале 30-х годов занимался конструированием «Универсального аппарата» для экспериментальных исследований. В последние годы жизни занимался подготовкой к массовому производству изобретенного им аппарата. Умер Челпанов 13 февраля 1936 г. в Москве, похоронен на Ваганьковском кладбище.

Имя Георгия Ивановича Челпанова неотделимо от истории отечественной науки. Выдающийся ученый, талантливый педагог и организатор, он в течение всей жизни активно формировал научную среду как необходимое условие развития науки.

Проблемное поле Челпанова-философа.

В настоящее время происходит обновление духовной жизни общества, переосмысление старой системы ценностей, поиск новых мировоззренческих ориентиров. Поэтому сегодня актуальным представляется обращение к творчеству Г.И. Челпанова — выдающегося русского ученого, главной темой философских исканий которого была тема души и духовности — важнейшая в размышлениях русской философии в целом и созвучная современному процессу осмысления бытия человека. Сегодня уже недостаточно просто вернуть незаслуженно забытое имя. Важно вдохнуть новую жизнь в творчество мыслителя, актуализировать его идеи. В творчестве Челпанова мы находим плодотворные подходы в решении «вечных» философских проблем, таких как соотношение духа и материи, проблема души человека, свобода воли, вопросы познания.

Челпанов — фигура типичная для своего времени, в полной мере отразившая научные искания эпохи, драматичные повороты истории. В его жизни сочетались блистательность университетской карьеры и драматизм судьбы ученого и человека; его творчество — блестящий образец органичного соединения представлений, сформировавшихся в разных сферах человеческого познания — философии, психологии, логике. Взаимное влияние в постановке проблем, в выработке методологических принципов, в поиске подходов к решению важнейших вопросов — вот та область взаимодействия философии и психологии, которая представлена в работах Челпанова.

Рассмотрение любой теоретической проблемы в научных трудах ученого начиналось с исторического экскурса, с анализа истоков и процесса становления вопроса. В работах ученого видна широта его историко-философских взглядов. Он систематизировал знания в этой области и был автором учебников по истории философии.

Анализ научных работ Челпанова показывает, что ученый проявлял большой интерес к кантовской философии. Интерес и пристальное внимание Челпанова к философии Канта имели свои основания. Кант занимает особое место в сложном процессе развития философии в России. Психология в подавляющем большинстве случаев также оказывалась под модусом кантианства. Это был некий интеллектуальный пласт, историко-философская традиция, пронизывавшая все культурное пространство, та парадигма мышления, которую Челпанов естественно воспринял, как и многие его современники. Присутствие «элементов кантианства» можно обнаружить почти во всех крупных сочинениях русских мыслителей, работавших на рубеже XIX-XX вв.: Н. Бердяева, С. Булгакова, А. Введенского, Л. Лопатина, А. Лосского, С. Франка, Л. Шестова и др. При этом внимание к Канту выразилось не только в безусловном приятии, в изложении его взглядов, в анализе философской системы мыслителя, но и в критическом отношении к отдельным положениям его теории. К работам подобного рода можно отнести и

труды Челпанова.

Обращение к философии Канта мы находим уже в первом серьезном научном труде — его диссертации «Проблема восприятия пространства в связи с учением об априорности и врожденности». В 1901 году в журнале «Вопросы философии и психологии» публикуются четыре его статьи о философии Канта. Челпанов видит значимость кантовского учения, прежде всего в его огромном влиянии на все «современные важнейшие философские учения». Ученый подчеркивает, что лозунг «Назад к Канту» послужил толчком к развитию философской дисциплины, занимающей, по его мнению, главное место в современной философии, — теории познания или гносеологии. Она настолько важна, что многие современные философы отождествляют основные задачи философии с задачами теории познания.

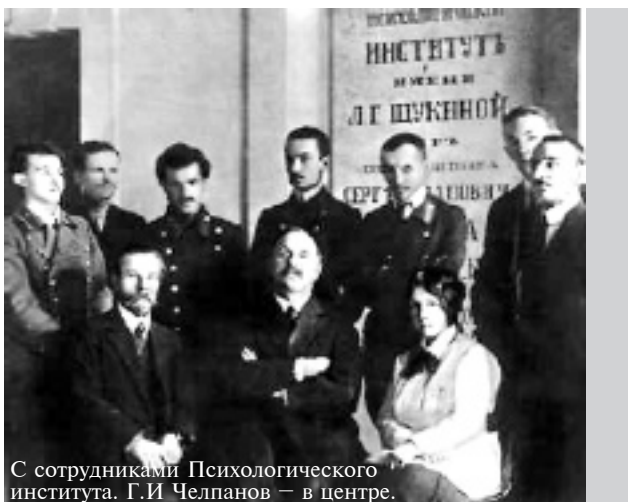
Интересно замечание Челпанова о том, что и в лагере марксистов также есть стремление обратиться к кантовской философии — «вернуться к Канту». Ученый объясняет это тем, что одна материалистическая философия «не может дать прочного базиса для обоснования их социологических теорий».

В анализе основных философских проблем Канта первое место отводится теории познания. Рассматривая основные направления в постановке философских проблем в историческом аспекте, ученый отмечает, что до Канта на значение теории познания указывал Дж. Локк. Заслугой же Канта он считает исследование того, что «наш ум может познать и чего не может познать по самой своей природе», постановку вопроса о необходимости исследовать нашу способность познания и подвергнуть ее критике, а потому и философия его называется «критической». Кант, по мысли ученого, хочет подвергнуть критике именно «чистый разум», т.е. исследовать, может ли, в самом деле, чистый разум познать что-либо, не данное в чувственном опыте. Эта проблема, пишет Челпанов, иначе еще называется проблемой «об отношении между бытием и мыслью», и в самой тесной связи с этим вопросом находится «вопрос о происхождении познания».

Челпанов сравнивает создание теории познания Канта с тем переворотом, который совершил в астрономии Коперник. «Прежние философы предметность науки хотели объяснить свойствами объекта, думали, что все определяет объект», благодаря Канту вместо того, чтобы говорить, что «объект определяет наше познание, стали говорить, что мы сами, наш субъект определяет предмет нашего познания». Для Челпанова важно не просто изложение теории Канта, но ее применение для психологических исследований, которыми занимался в то время сам ученый — это, в частности, проблема возникновения способности восприятия пространства и времени. Челпанов раскрывает сущность этой психологической проблемы, показывает ее отличие от кантовской интерпретации проблемы априорности.

Однако, рассматривая вопрос происхождения и восприятия пространства, Челпанов относит кантовскую теорию к «генетической», или производной группе учений. Сам же он считает, что пространство есть непосредственное содержание ощущений, а поэтому оно непосредственно. Разделяя позицию современных нативистов — Штумпфа, Геринга, Джемса, не только не признающих своего «родства» с учением Канта, но и по большей части оспаривающих его теорию, — Челпанов расходится с Кантом в восприятии пространства.

Интересным представляется и анализ Челпановым кантовской эстетики и учения о целесообразности. Обращение Канта к этой проблематике, справедливо считает Челпанов, было необходимо для снятия

С сотрудниками Психологического института. Г.И. Челпанов — в центре.

дуализма «теоретического» и «практического» разума, «мира свободы» и «мира причинности». Эту функцию «соединения» и выполняет в кантовской теории «чувствование», содержащее в себе в одинаковой мере и элементы познания, и элементы воли. Здесь Кант также ставит вопрос о «возможности априорных чувствований», т.е. обладающих характером «всеобщности и необходимости». Челпанов напоминает, что эти свойства Кант доказал и по отношению к познанию и воле, и сейчас он дополняет посвященные этим вопросам два раздела своей философской системы — «Критику практического разума» и «Критику чистого разума» третьим — «Критикой способности суждения».

Челпанов излагает свою точку зрения на природу суждения и «чувствования». Функция суждения, по его мнению, состоит, в основном, в том, чтобы «производить подчинение». В области теоретической мысли это подчинение производится двояко: в познании и в оценке. Справедливо и положение Челпанова о том, что именно в суждении можно выразить «отношение» субъекта к тому или иному предмету, а это также тесно связано «с чувствованиями», потому что «чувствование есть не что иное, как соединенные представления о предмете с каким-либо субъективным состоянием».

Целесообразность же, пишет Челпанов, связана с чувством удовольствия, из чего можно сделать вывод, что существует два рода отношений к предметам, отличающихся один от другого: в одном из них преобладает момент «познавательный», а в другом — «чувствование». В том случае, когда при оценке предмета в суждениях преобладают субъективные состояния, чувства, речь идет о «субъективной целесообразности». Но существует и другой вид целесообразности — «объективная целесообразность естественных предметов», когда предмет соответствует или не соответствует тем или иным целям.

Данные рассуждения необходимы Челпанову для того, чтобы проанализировать кантовские понятия эстетического и телеологического. Так, к эстетическому относится оценка явлений с точки зрения целесообразности их для наблюдающего субъекта, если наблюдение носит субъективный характер и вызывает «известные чувства». Предметы «приходят в согласие с нашей способностью познания», вызывают чувства удовольствия, «такой предмет мы называем прекрасным» и получаем понятие красоты природы, имея дело с эстетической способностью суждения. В телеологической способности суждения, в отличие от эстетической, обнаруживается согласование между вещами, которые рассматриваются сами по себе.

Логически собственные воззрения Челпанова и специфика категориального анализа восходят к

Канту. Челпанов учился у кантианцев и ему самому Кант был близок, прежде всего, потому, что именно в кантовской философии впервые ставится проблема «я», поднимаются проблемы законов индивидуального сознания, все вопросы, неразрывно связанные с гносеологическими идеями. По мысли Челпанова, гносеология, в отличие от психологии, имеющей дело с «индивидуальным» сознанием, оперирует с «сознанием научным в собственном смысле», или с «надиндивидуальным» сознанием: «Она берет готовую идею, как она существует в науке, и старается определить свойства этого понятия, а затем она старается определить, почему и как она применяется к действительности».

Гносеология для Челпанова была всеобщим основанием, важнейшим фактором в решении методологических проблем, основным разделом его философии. Он исследовал происхождение познания, его природу, возможности и предпосылки, формы, элементы, «силы» и средства «истинного знания», включая такие вопросы, как анализ законов мышления, восприятия числа, времени, пространства.

Гносеологические воззрения Челпанова на протяжении его научной деятельности претерпевали изменения, но незыблемой оставалась критика материализма. Свой курс лекций по критике материализма, который был прочитан студентам Киевского университета в 1898 году, Челпанов начинал словами: «Моя задача убедить слушателей обратиться к философии путем критики материализма. Дело в том, что материализм строит свое мировоззрение очень просто. По этому учению, в мире существует только материя и больше ничего. Такие понятия, как духовное, душа и т.п. должны быть просто упразднены из человеческой науки. Человеческое познание имеет своим конечным идеалом сведение всех мировых процессов на механику материальных атомов. В нашей интеллигенции широким распространением пользуется взгляд, что будто бы материализм и есть именно то слово, которое выражает собой сущность современного научно-философского миропонимания, и что философия, которая поставляет и стремится решить, между прочим, вопросы о духовности, о душе, есть не больше, как праздная наука» (Г. Челпанов. Мозг и душа. Критика материализма и очерк современных учений о душе. — М., 1912. — Изд. 5. — С. 15).

Челпанов считал понятия «материя» и «атом» умозрительными, имеющими символический смысл, а не опытными, и потому материализм он полагал учением, непригодным для познания природы души и сознания. Доказывая положения о несостоятельности материализма с точки зрения закона сохранения энергии, связи причинности с законом превращения энергии, Челпанов отмечает, что материализм противоречит данным новейшего естествознания, физическое не может превратиться в психическое, явления физического и психического порядка совершаются параллельно. Закон сохранения энергии не противоречит учению о взаимодействии между физическими и психическими явлениями. Ученый утверждает, что естественнонаучные данные о работе мозга свидетельствуют в пользу субстанциональности души.

В России конца XIX века в философско-психологических кругах все большее распространение получает теория психофизического параллелизма, которая была господствующей в западноевропейской психологии этого времени. Челпанов указывал, что «отрешение» от материалистического взгляда на душевные явления имеет важное методологическое значение.

Приемлемой для себя он считал дуалистическую

теорию параллелизма психических явлений и физических процессов, признавая психический ряд самостоятельным и независимым от физического. «... В настоящее время на вопрос, что можно считать более правильным, монизм или дуализм, следовало бы ответить, что дуализм, признающий материальный и особенный духовный принцип, во всяком случае, лучше объясняет явления, чем монизм» (Челпанов Г.И. Очерк современных учений о душе// Вопросы философии и психологии. — 1900. — Кн. 52. — С. 315). Ученый считал, что в мире есть субстанция мыслящая и субстанция протяженная, между ними нет причинной связи, явления сознания параллельны природным явлениям и не выводимы из последних. Исключая детерминацию психических явлений материальными причинами, Челпанов предполагал взаимодействие параллельных рядов явлений, при этом он указывал на определяющее значение воздействия духа на тело — «психическое объясняется только из психического». Поэтому именно дуалистическая теория психофизического параллелизма представлялась Челпанову возможным путем решения гносеологических проблем.

Ученый признавал в числе важнейших в истории — духовный фактор: «Я возражаю против того, что психическая причинность есть лишь отражение физической, как утверждает экономический материализм. Сводить психическое к нулю — значит извратить отношение между психическим и физическим. Я утверждаю, что психическое, в какой бы то ни было дозе, является одним из факторов исторического процесса» (Г. И. Челпанов. Дополнительный курс логики. — М., 1909. — С. 39-40). Признание «активности духа», по мысли ученого, предполагает, что дух привносит в познание «из себя нечто», чего оно не получает посредством чувств. «Из этого следует, конечно, что наше познание приобретает субъективный характер: оно складывается как из того, что нам доставляется нашими ощущениями, так равным образом из элементов, созданных собственными силами нашего духа» (Челпанов Г.И. Проблема восприятия пространства... Ч. II. М., 1904. — С. 421, 429).

Челпанов не был идеалистом в философии, он относил себя к сторонникам критического реализма, считал, что ни материализм, ни идеализм как монистические системы не в состоянии отразить всю широту проявлений физического и духовного мира. Он стремился найти «третий путь», соединяющий в себе противоположности материалистического и «спиритуалистического» направлений. Причину противостояния двух основных линий в истории философии ученый видел в «догматичности», ограниченности как материализма, так и идеализма.

Существовавшие философские теории уже не могли в полной мере удовлетворять уровню научного знания того времени. Успехи естественных наук изменили взгляды на мир. «Идеализм» Челпанова был уже иной, не умозрительный, а подкрепленный экспериментальными психологическими исследованиями. Он не уходил от решения практических задач, а напротив, приводил к постановке новых проблем, в том числе вопросов природы и сущности индивидуального сознания. Человеческое «Я» стало «точкой схода» философского и психологического анализа.

Обращенность к человеку, к его душе, внутреннему миру — важнейшая особенность русской философии. Антропологизм русских мыслителей и обусловил близость философии и психологии. Для Челпанова взаимосвязь и взаимообусловленность философии и психологии была важна еще и потому, что психология являлась для него особой областью научных интересов.

Он называл себя «философом в психологии». Вопрос о взаимоотношении философии и психологии был центральным в его теоретических воззрениях.

Наш «психический организм», считал Челпанов, как и духовный мир, не есть простое механическое соединение отдельных частей, а представляет нечто целое, единое. Этому единству присуще «постоянство и относительная неизменность». Душа, утверждал ученый, не есть механическое сложение отдельных духовных состояний, она представляет известную организацию, известное единство, которое является носителем отдельных духовных состояний. Следовательно, делает вывод Челпанов, в современной философии ученые, признающие существование души, признают прямо или косвенно также и ее субстанциональность. Такое понятие души, указывал Челпанов, не предполагает непременно, что она есть нечто трансцендентное; она может быть имманентна духовным явлениям. И психология как наука о душевных явлениях всегда есть в то же время наука о душе.

Очевидна связь психологии с теорией познания, потому что описание психических процессов и явлений в исследованиях психологов-эмпириков всегда сопровождается объяснением или попыткой объяснения этих явлений, что может быть возможно только при помощи гносеологически обработанных понятий. Чистого описания, без предварительного гносеологического анализа тех основных понятий, которые служат для объяснения психических явлений, говорил Челпанов, не может существовать. Всякое описание предполагает объяснение. При исследовании психических явлений нельзя ограничиваться только данными непосредственного опыта. Для объяснения необходимо выходить за пределы того, что дано в непосредственном восприятии. А это предполагает употребление понятий, являющихся предметом философского изучения. В этом смысле философски обработанные понятия являются необходимой основой психологии. Психология не может довольствоваться описанием и объяснением душевных явлений, она неизбежно ставит вопрос о природе духа. Всякая попытка давать окончательные объяснения душевных явлений приводит к постановке вопроса о душе, о «материальности и нематериальности» духовных явлений. Таким образом, считал Челпанов, эмпирическая психология как наука о душевных явлениях «необходимо приводит к философскому учению о душе или к философии духа».

С другой стороны, отмечал ученый, философские теории о душе оказывают влияние на объяснение тех или иных психических явлений. Челпанов признавал право отдельного существования экспериментальной психологии, этнической, зоопсихологии, которые собирают ценный материал, имеющий огромную практическую важность, но систематизация и сведение к единству этого материала, — есть задача общей, теоретической или философской психологии. Именно философская психология исследует основные законы духа, ее предмет, может быть, исследуем только при помощи философски обработанных понятий.

Поднимая вопрос о методе в психологии, он утверждал, что психические явления могут быть познаваемы только путем самонаблюдения или внутреннего опыта, что основной прием, при помощи которого можно строить психологию, есть «внутреннее», «психическое» зрение. Челпанов отстаивал субъективный метод, считал интроспекцию главным методом психологии как науки о субъективных состояниях сознания. Однако интроспекция, по убеждению ученого, должна дополняться экспериментальным методом.

Вопрос об отношении психологии к философии тесным образом связан с вопросом: кому разрабатывать психологию? Челпанов справедливо отмечал, что это могут делать все, кто в своей специальной области соприкасается с проявлениями душевной жизни: натуралист, зоолог, психиатр, лингвист. Но весь собранный ими материал необходимо связать с общими законами духовной деятельности, то есть с философией: «...система психологии должна находиться в руках психологов-философов». Он дает однозначный ответ по обсуждаемой проблеме: «Психология не должна отрешаться от философии; напротив, она должна стать в более тесную связь с ней. Другими словами, психология должна оставаться философской наукой, ибо ее связь с философией естественна и необходима» (Г.И. Челпанов. Об отношении психологии к философии // Вопросы философии и психологии. — М., 1907. — К.Н. 89 (IV). — С. 322).

Философские идеи Челпанова были неразрывно связаны с психологическими. На рубеже XIX-XX веков психология активно утверждала свои позиции как самостоятельная наука, однако философия еще в значительной мере была формой бытия психологического знания. Для Челпанова философия всегда имела определяющее значение в постановке психологических проблем. Это давало возможность собственно психологии войти в область человекознания, до сих пор доступную лишь философии, где только и возможна постановка вопроса о предельных ценностях и смыслах. Челпанов писал: «Особенность философии заключается в том, что философские вопросы составляют неотъемлемую часть мировоззрения каждого... мыслящего человека. Каждый должен дать себе отчет в том, что такое душа, что такое Бог, каково начало мира, имеет ли он какую-либо цель и т.п.» (Челпанов Г.И. Мозг и душа. М., 1918. С. 17). Отсюда и убеждение ученого, что «ум человеческий» по самой своей природе стремится к философскому познанию действительности. Поэтому всякий психолог, по его мнению, «стремится быть, в конце концов, философом» (Челпанов Г.И. Об отношении психологии к философии... С. 319).

Роль Челпанова в русской психологии сравнима с ролью В. Вундта в мировой психологии; в научной жизни обоих ученых прослеживаются некоторые параллели. Каждый из них разрабатывал интроспективное направление в психологии и был основателем научной школы, воспитавшей первое поколение профессиональных психологов нового типа. Но Челпанов в научных воззрениях пошел дальше Вундта, пытаясь преодолеть ограниченность теории психофизического параллелизма, и в своих исследованиях встал на путь познания психики как целостности.

Обогащенный философией субъективный метод, интроспекция являлась тем механизмом, с помощью которого решались методологические и мировоззренческие задачи. Таким образом, психология помогала выходить на новый уровень осмысления философских вопросов.

Мировоззренческий потенциал философии раскрывается Челпановым через рассмотрение проблемы ценности жизни, обращение к нравственным основам человеческого существования. Творчество ученого пришлось на самый сложный период в истории страны. Революции, войны, политические репрессии были тем историческим фоном, на котором развивались воззрения философа. Однако пессимизм не стал выводом из анализа исторической панорамы. В этом отношении творчество Челпанова представляет собой пример убежденности в

конечном «торжестве нравственного начала».

Челпановская трактовка вопроса свободы воли заключается в понимании её как причинно обусловленного явления, при котором человек приобретает сознание самоподчиненности своих действий, сознание, возвышающее его личность на степень существа, играющего самостоятельную роль в исторической и мировой жизни. Такое сознание, считал ученый, приводит человека к вере в способность самостоятельного творчества идеалов, имеющих целью «пересоздать» жизнь и мир.

Идеи Челпанова о философском образовании актуальны и для современного педагогического процесса. Ученый считал философию основой для изучения гуманитарных, точных и естественных наук, т. к. каждая наука в своем развитии подходит к постановке общих философских проблем.

Челпанов был создателем «психологической культуры размышлений о душе». Его идеи о значении духовных приоритетов в построении научных теорий созвучны современному процессу осмысления идеи взаимосвязи наук в изучении человека. С полным правом можно отнести к Челпанову слова его ученика Г. Шпета: «На его стороне было знание, и боролся он за Истину не преходящую, а стоящую над временем». Достаточно ли Челпанов понимал тот момент, в котором ему пришлось жить и творить? Да, разумеется, он понимал и отдавал должное своему времени, но он был философом, а потому видел дальше.